

С.С. Жданов

**ИДИЛЛИЯ И ЕЕ ДЕКОНСТРУКЦИЯ В ОБРАЗЕ
НЕМЕЦКОЙ ДЕРЕВНИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУТЕВЫХ
ЗАМЕТОК М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«ЗА РУБЕЖОМ»)**

В статье рассматривается образ немецкой (прусской) деревни в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». Образ отличается амбивалентностью. С одной стороны, ему присущи идиллические черты порядка и изобилия, патриархального почитания родителей и авторитетов вообще, и в этом плане Германия как пространство порядка противопоставлена локусу русской деревни, отмеченной чертами стихийности, распада и анонимии. С другой стороны, писатель вскрывает внутреннюю дисгармонию этой формальной идиллии, в которой нет социальной справедливости, а законопослушность обращается в сервильность. Национальный элемент в тексте, однако, не абсолютизируется и оказывается в определенной степени подчиненным социально-историческому началу.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, Германия, немцы, сатира, образ Чужого, художественное пространство, русская литература XIX в.

В исследованиях, посвященных путевым заметкам М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом», часто можно выделить общий элемент, а именно желание вписать данное произведение в некую нарративную традицию либо представить его как элемент диалогового межавторского взаимодействия. Так, И.Ю. Павлова представляет этот цикл в рамках спора о судьбах России между М.Е. Салтыковым-Щедриным и Ф.М. Достоевским [1]. С.А. Макашин, называя «За рубежом» «одной из великих русских книг о Западе», ставит ее в общий ряд с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Письмами из Avenue Marigny» А.И. Герцена, «Зимними заметками о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского, «Больной совестью»

Г.И. Успенского [2. С. 528]. Еще более заострен аспект вписывания щедринского текста в литературную традицию в работе И.Л. Порошковой, подчеркивающей значимость «жанра путешествий», в том числе «путевых заметок о поездках по России и за рубежом», для русской литературы XIX в. и увязывающей мотивы правдоискательства в заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева [3. С. 29]. При этом следует отметить, что заявленная тема не была подробно раскрыта ни в работе С.А. Макашина, где она являлась побочной, ни в исследовании И.Л. Порошковой, в котором за исключением начала и конца статьи большее место занимает анализ самого произведения, чем его связь с традицией отечественных травелогов.

В то же время весьма интересной, по нашему мнению, является сама постановка проблемы С.А. Макашиным, подчеркнувшим намеренное создание М.Е. Салтыковым-Щедриным «сатирического эффекта сопоставления «чужого» и «своего»» [2. С. 529], что создает основу для имагологического анализа произведения как источника образов Чужого. Фактически с этих позиций к щедринским путевым заметкам подходят С.В. Оболенская и О.Н. Туманов. Первая упоминает путевой очерк М.Е. Салтыкова-Щедрина в связи с зафиксированным в русской словесности изменением отношения русских к немцам, анти-немецкими настроениями в русском обществе [4. С. 127]; О.Н. Туманов рассматривает щедринское произведение в рамках прочих текстов отечественной словесности, формирующих отношение российского общества к Западной Европе [5]. Однако в силу особенностей предмета исследования автор в большей степени сосредоточен на сопоставлении различных текстов по выделенным им имагологическим основаниям и не анализирует подробно образ Германии у М.Е. Салтыкова-Щедрина. В этом смысле противоположностью работе О.Н. Туманова является исследование У. Вирвас, посвященное анализу немецкой темы именно в щедринском творчестве [6]. Здесь мы имеем дело с иной крайностью. Исследовательница достаточно подробно рассматривает образы Германии и немцев в контексте различных произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина, в том числе в путевых заметках «За рубежом», но не касается вопросов встроенности данной темы в маркированный немецкостью общий образный строй русской литературы. Соответственно, наше исследование образа Германии, представленного в

щедринском тексте, призвано в известной мере заполнить лакуны, встречающиеся при рассмотрении заявленной темы в работах других авторов.

Явившись «главным литературным итогом заграничных поездок» [7. С. 8] писателя, путевые заметки «За рубежом» представляют в критическом ключе социально-политическое и культурное бытие Западной Европы конца XIX в. В то же время (здесь следует согласиться с С.А. Макашиным) «...книга не только о Западе, но о России и Западе и, по существу, о России больше, чем о Западе» [2. С. 529]. В этом плане образы Германии, представленные в щедринском тексте, сродни немецким образам в сатирическом приложении к журналу «Современник» «Свисток». И у М.Е. Салтыкова-Щедрина, и у авторов «Свистка» немецкость зачастую служит фоном и зеркальной противоположностью русскости. В то же время маркированная немецкостью образность заметок «За рубежом» гораздо более цельная, чем в текстах «Свистка». В целом же щедринский текст вписывается в традицию комического / сатирического изображения Германии, заложенную в отечественной литературе 1840-х гг. «экспансией» пародийной литературы «в ранее изолированные от смеховой культуры жанры», в том числе «литературного путешествия и документальных очерков о Западной Европе» [8. С. 115].

Говоря об образах Германии в произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина, С.А. Макашин выделяет «две темы: прусский милитаризм и быт модных космополитических курортов юга Германии» [2. С. 533]. Однако нам представляется более логичным деление по пространственному признаку, предложенное У. Вирвас и предполагающее анализ изображения «аграрной Восточной Пруссии», столично-го Берлина и немецких курортов¹ [6. С. 475]. Через эту «локальную» призму писатель вглядывается в Германию и сопоставляет ее с Россией. В данной работе мы ограничимся анализом сельского локуса Германии в произведении писателя в ракурсе связи данного пространства с идиллическим нарративом, а также традицией изображения немецкости в русской литературе.

Описание пространства Германии у Щедрина начнем с мотива пограничности, не отраженного в иных исследованиях щедринского

¹ Здесь и далее перевод с нем. наш. – авт.

текста. Так, сама Германия для русских путешественников выступает границей Запада: через Германию русские попадают в Европу, что фиксируется авторами еще конца XVIII в. – в заграничных письмах Д.И. Фонвизина и в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. Но для нас в щедринском тексте важен сам факт пространственной отмеченности пересечения границ между Российской и Германской империями. Эта граница, правда, несколько размыта, поскольку «свой» (польский по факту) город Вержболово уже амбивалентен, маркирован «чужим» в силу ономастической двойственности, закрепленной в авторской ремарке, что «немцы уж называют его Wirballen...» [9. С. 12]. Но Вержболово – все-таки еще «свое» пространство, которое никто из русских путешественников не рассматривает из окна поезда. В немецком же пограничном Эйткунене все «...тотчас же бросились к окнам и начали смотреть» [Там же. С. 13]. Этот эпизод напоминает признание рассказчика из карамзинских «Писем...» при пересечении границы между Россией и Курляндией: «...мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны» [10. С. 10]. Однако в тексте «За рубежом» помимо общесимволического смысла в мотив пересечения границы вкладывается конкретно политическое значение: это переход от несвободы царской границы в более свободное, менее поднадзорное состояние. Даже верноподданные попутчики рассказчика, приводящие всех в трепет «бесшабашные советники» с говорящими именами «Удав» и «Дыба», ощущают, «что, по выезде из Эйткунена, даже по расписанию положено либеральничать...» [9. С. 30].

Данный прием характерен для щедринского повествования: автор берет традиционный мотив и вводит его в новый, социально-политический контекст. Вообще, согласно У. Вирвас, М.Е. Салтыкова-Щедрина как сатирика «интересовал человек в качестве политического, общественного существа», а его целью было изображение «типичных явлений», что, в свою очередь, обусловило ориентацию на «сатирически обобщенные типы», рассматриваемые «с точки зрения их политической функции» [6. С. 463]. Со своей стороны скажем: это касается не только образов героев, но и образа самого немецкого пространства, которое имеет стереотипные, т.е. литературно-

типажные, черты. Так, немецкие локусы в русской литературе характеризует «упорядоченность» [11. С. 41], «ухаживенность» [12. S. 120]. Сравнивая ландшафты российского северо-запада и Пруссии, автор прибегает к мотивам Своего и Чужого. Свое, привычное оказывается встроенным в пейзажное описание Чужого: «Природа... мало чем отличалась от только что оставленной мною природы русско-чухонского поморья... Та же низменная равнина, те же рудо-желтые пески, попеременно с торфяными низинками» [9. С. 13]. В то же время маркированность чувствостью реализуется через знаки отрицания (в данном случае отсутствия объектов природного запустения, слабости, энтропии: «...ни кочкарника, ни мхов, ни лезущего отовсюду лозняка, ни еле дышащей, одиноко стоящей и во все стороны гнущейся березки...») и утверждения (типажные упорядоченные локусы: «...тянутся засеянные поля...» [Там же]). Более того, разрушая стереотип о скудной северной природе, автор присваивает прусским полям признак необозримости в большей степени, чем русским пространствам Черноземья «и вообще средней полосы России» [Там же]. Рассказчик прибегает к образу «буйных хлебов» как маркера идиллического рустикального изобилия, которое по принципу контраста приписывается «обиженной природой прусскому поморью» [Там же. С. 14]. Тем самым в тексте закладываются три оппозиции: «природного, дикого – культурного, антропогенного»; «плодородного – неплодородного, бедного»; наконец, «оскудевающего – процветающего», в которых русскому пространству соответствует первый элемент, а прусскому – второй. При этом немецкий сельский локус характеризуется через ургийность и связывается с мотивами немецких трудолюбия и рациональности в пользовании благами, благодаря которым «обиженная природой» Пруссия становится пространством «буйных» хлебов:

Здесь... ни на какие великие и богатые милости не рассчитывали, а, напротив, и денно и ночью только одну думу думали: как бы среди песков да болот с голоду не подохнуть. <...> в Эйдткунене говорили: там как будет угодно насчет дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны! [Там же].

Следует отметить, что такое пейзажное описание немецких земель типично для русской литературы. Так, русский путешественник Н.М. Карамзина замечает, что «земля в Пруссии еще лучше обработана, нежели в Курляндии...» [10. С. 14]. Аналогичные замечания

встречаем и в травелогах Ф.П. Лубяновского («...недостаток земли нудит каждого мыслить, как бы лучше возделать свое поле, осушить болото, превратить песок в плодоносную землю» [13. С. 37]) и М.П. Погодина («Не так легко достается в Германии... даже хлеб насущный!» [14. С. 80]; «Поля все возделаны – загляденье! <...> Везде видна забота, попечение» [Там же. С. 100]).

В известной степени все эти локусы восходят к «идиллическому мирообразу» Аркадии с ее мотивами мирной жизни, близости к природе [15. С. 73]. В особенности это характерно для сентименталистского текста Н.М. Карамзина. Но и у сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина в описании Восточной Пруссии проступают не только свойственный сельской идиллии мотив плодородия, но даже «райские» коннотации. Локусы становятся северным аналогом некоего южного пустынного оазиса. Это искусственный рай «на песках»: «...мало, что хлеба у немца на песках родятся буйные, у него и коровам не житье, а рай, благодаря изобилию лугов» [9. С. 14]. Причем создан данный «рай» не божеством, а обычными немцами, рационально упорядочивающими свое пространство:

...здесь, под Инстербургом, сумели и стёк отыскать, и луга расчистить, и коровье житье устроить. Везде каналы чистые, без лозняка, и везде вынутый из канав торф сформован и сложен в стопки. Этим торфом и отапливаются, и сдабривают поля [9. С. 15].

Сравните с замечанием Ф.П. Лубяновского, что «в работах» саксонца «смысл» «действует»: «Он изобретает средства сделать труд свой удобным и землю свою лучшею» [13. С. 32]. Изобилие касается и пространства леса, которое не расточается, как в России, а бережно сохраняется расчетливыми немцами: «...все горы Германии покрыты отличнейшим лесом, да и в Балтийском поморье недостатка в нем нет» [9. С. 16]. Такая традиционная для русской литературы черта, как немецкая скупость, здесь подается как рациональное земледользование:

...если цена на топливо здесь все-таки достаточно высока, то это только потому, что Германия вообще скупа на те произведения природы, которые возобновляются лишь в продолжительный период времени [9. С. 16].

Мотив упорядоченности касается и описаний немецких деревень. Если облик «довержболовского» пространства определяют «почер-

невший сруб с всклокоченной соломенной крышей», то в уютно-идиллической немецкой деревне главенствует «изба с выбеленными стенами и черепичной крышей» [Там же]. Мотив уюта, очеловеченности этого домашнего локуса подчеркивается определением «жилище, а не изба», привычная для русских. Немецкое жилище в щедринском описании не только получает положительную цветовую маркировку (белый цвет стен как противоположность черному цвету русской избы), но и принимает на себя определенные антропные черты: глядит «веселее, довольнее, нежели» «довержболовский» сруб [Там же].

Однако нарратор как создает, так и сам деконструирует образ немецкой идиллии замечанием, что не считает «пруссские порядки совершенными и прусского человека счастливейшим из смертных» [Там же. С. 16–17]. Накопленные трудолюбивыми немцами-кнехтами богатства достаются не им, а «толстосумам-буржуа, каким в городах принадлежат дома и лавки...» [Там же. С. 17]. «Райский» образ оказывается иллюзией, подобно миражу в песках пустыни, и используется М.Е. Салтыковым-Щедриным для вскрытия социальной несправедливости. К сходному приему за более чем полвека до создания очерков «За рубежом» прибегает Ф.П. Лубяновский, деконструирующий сентименталистскую саксонскую идиллию в своем «Путешествии по Саксонии...»:

Не могу я, однако, сказать, чтоб они все вообще тут были богаты, ни даже довольны. ...как и везде, случится тебе найти земледельцев, кои ...разными, по их словам, *честными*² средствами хладнокровно других лишили участков их земли и умножили тем свой достаток [13. С. 31].

Не подумай, чтобы я в сем уголке находил уже то совершенство, коего с начала мира на землю тщетно искали и которое даже воображение глубоких Философов столь редко усматривало в прямом его виде³ [Там же. С. 87].

«Аркадский» миф о гармоничном золотом веке в обоих случаях оказывается развенчан, но М.Е. Салтыков-Щедрин делает это с большей долей социально-сатирического заострения.

² Курсив Ф.П. Лубяновского. – *авт.*

³ И Ф.П. Лубяновский, и М.Е. Салтыков-Щедрин прибегают к сходным повествовательным стратегиям, используя риторическое обращение к читателю и вводное слово «однако» со значением противопоставления: «Пусть читатель не думает, однако ж, что я считаю...» [9. С. 16]; «Не могу я, однако, сказать...» [13. С. 31]; «Не подумай, чтобы я в сем уголке находил уже то совершенство...» [Там же. С. 87].

Образы немецких кнехтов объединяются в собирательный образ Мальчика в штанах, а «толстосумов-буржуа» – в образ господина Гехта (щуки – с немецкого). Также Мальчику в штанах противопоставляется Мальчик без штанов, т.е. русский крестьянин. Локус Мальчика в штанах, «простая немецкая деревня», маркируется через минус-характеристики отрицания хаоса, неупорядоченности, собственных русским деревням: «...ни грязи, ни традиционной лужи – ничего такого не видать...» [9. С. 32]. Упоминается и такая положительная типажная характеристика немецкого пространства, как чистота: «...у вас здесь чисто!» [Там же. С. 33]; «...чисто – плюнуть некуда!» [9. С. 34]. Мотив упорядочивания пространства подчеркивается еще и определением «шоссированная» в отношении деревенской улицы [Там же. С. 33].

С удовлетворением потребностей физиологического уровня у Мальчика в штанах также все обстоит неплохо, по крайней мере, лучше, чем у Мальчика без штанов. Мальчик в штанах одет, что явствует из его прозвания, спит на «войлоке хорошем», ест «пищу хорошую»: «даже в будни горох с свиным салом» [Там же. С. 39]. Сравните с гротескными образам немецких крестьян из более позднего травелога Н.А. Лейкина «Наши за границей», где немецкие «деревенские бабы» «в соломенных шляпках с лентами» (маркер одежды, непривычный для сословия крестьян в России и аналогичный «штанам» немецкого мальчика) работают в огородах, а также играют «на фортепьянах» и «стряпают» для себя «мороженое» [16. С. 14]. Это сходный с щедринским прием контаминации русского и немецкого: у М.Е. Салтыкова-Щедрина немецкая «изба» – это не изба, у Лейкина немецкая деревенская «баба» – не совсем баба в русском смысле.

Относительно удовлетворена у Мальчика в штанах и потребность в безопасности: «Никто не пугает нас, никто не заставляет производить такие действия, которые ни для чего не нужны» [9. С. 35]; «...из нас не выбивают податей и не ставят к нам экзекуций...» [Там же. С. 36]. Исключено и словесное насилие: никто не сквернословит. Родители Мальчика в штанах защищены от крайнего произвола господина Гехта контрактом и получают «определенное жалованье» [Там же. С. 39]. Мальчик в штанах имеет возможность получить образование: он ходит в школу. У немцев есть «старинная культура»,

«солидная наука» «блестящая литература» и «свободные учреждения» [Там же. С. 40]. Наконец, удовлетворяется до известной степени и потребность в уважении, «робкое и неполное» признание в кнехте человека: «...на стороне Эйдткунена есть одно важное преимущество, а именно: общее признание, что человеку свойственно человеческое <...> кнехтам от этого хоть капельку да веселее» [Там же. С. 18–19]. Одним словом, бытие Мальчика в штанах воплощает в себе понятие западной цивилизации, объединяющее некие блага, права и свободы.

В известной мере образ Мальчика в штанах социально размыт – это не только кнехт, но немец вообще, типажный обыватель. Неслучайно И.Л. Порошкова обращает внимание на речевую характеристику героя, замечая, что «в речи немецкого мальчика писатель передает построение фразы, свойственное немецкому мещанину-филистеру» с его дидактической сухостью, отсутствием образности, нравоучительностью и скучностью [3. С. 49–50]. Пожалуй, центральными мотивами, характеризующими, с точки зрения русского персонажа, речь немецкого мальчика, являются мотивы скуки, замедленности и однообразности: «...отчего ты так скучно говоришь? <...> Мямлишь, канитель разводишь, слюнями давишься» [9. С. 34]. По сути, эти характеристики переносятся и на существование филистера, на весь немецкий упорядоченно-статичный хронотоп. Мальчик не желает иметь ничего общего с диким, хаотическим пространством: «пачкаться в грязи», «садиться в лужу», но добровольно выбирает для игр и прогулок «сухие и удобные места» [Там же. С. 33]. Этот мотив добровольного следования порядку подается как тотальный, свойственный всем немцам-обывателям, которым только и нужно, чтобы им не мешали работать:

...нам никто не препятствует быть трудолюбивыми <...> употреблять наши способности на личное и общественное благо, с тех пор, как, мы стали усердно прилагать к земле наш труд и нашу опытность, и земля возвращает нам за это сторицею [9. С. 35–36].

Сходные черты немецкого характера подчеркивал еще Ф.П. Лубяновский: «Здесь во всем столько меры и весу, что самая чувствительность должна покоряться сему закону. Умы слишком заняты

расчетами, чтобы сердцу дать волю свободно действовать» [13. С. 22]; «Воспитание жителей, нрав их и самая нужда заставляет работать» [Там же. С. 33]. Сравните также с характеристикой бытия немцев в романе И.А. Гончарова «Обломов»: «черная работа», «труженическое добывание денег», «пошлый порядок», «скудная правильность жизни» и «педантическое отправление обязанностей» [17. С. 161]. В заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина этот мотив внутренней несвободы, духовных оков особенно заострен. Отсюда возникает инфернальная коннотация образа господина Гехта, который сравнивается с чертом: Мальчик без штанов упрекает Мальчика в штанах, что немец «за грош черту душу продал» [9. С. 39]. Вообще, контаминация образов немца и черта характерна для русской культуры, особенно народной. М.Е. Салтыков-Щедрин же прибегает к социально-критической интенцией к инфернальному мотиву, доводя его до абсурда путем соединения с мотивом инструментальной рациональности коммерческой сделки: «...в контракте... сказано ясно: господин Гехт дает грош, а родители мои – душу» [Там же. С. 40].

Почитание порядка немцами выводится М.Е. Салтыковым-Щедриним из самого патриархального уклада Германии, из почитания родителей и подчинения им, которое перерастает в подчинение учителю и, наконец, любому начальству вообще. Разумеется, в самой по себе любви к родителям нет ничего плохого, но в контексте щедринского произведения «отцелюбие» принимает сатирически-гипертрофированные черты. Мальчик в штанах постоянно думает, «...как ему прожить на свете, не огорчая своих родителей», и не нарушает закон, потому что «...это огорчит... добрых родителей» [9. С. 33]. Родительский авторитет и подражание родительским образцам определяют всю жизнь персонажа: он говорит «так же, как говорят» его «добрые родители», «а когда они говорят, то... бывает весело» ему, когда же он говорит, «им тоже бывает весело» [Там же. С. 34]. Веселье немца заключается, таким образом, в повторяемости, в следовании образцам, которые делают существование предсказуемым и управляемым. Это не столько веселье по поводу чего-то смешного, сколько удовлетворение упорядоченностью: «...на днях моя почтенная матушка сказала мне: когда я слышу, Фриц, как ты складно говоришь, то у меня сердце радуется!» [Там же. С. 34]. Почитание авторитетов проявляется и в эпитетах: «добрые родители»,

«почтенная матушка», а также «почтеннейшие наставники» [Там же. С. 34]; «добрый школьный учитель», «старый добрый император» [Там же. С. 36]. Все свои знания о мире Мальчик получает от старших: «Ни мои добрые родители, ни почтеннейшие наставники никогда не предупреждали меня ни о чем подобном...» [Там же. С. 34].

Попутно заметим, что это следование родительским образцам поведения нередко становится объектом насмешки в русской литературе. Например, в романе Ф.М. Достоевского «Игрок» главный герой иронизирует над «ужасно добродетельным» и «необыкновенно честным» немецким фатером, который благословляет своего сорокалетнего сына на брак, после чего умирает, а его сын «...превращается сам в добродетельного фатера, и начинается опять та же история» [18. С. 226]. Уже в XX в. мотив нежелания огорчать родителей обыгрывается в травелогe А.Т. Аверченко «Экспедиция в Западную Европу Сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова»: немец-филистер любит «...семью, потому что дети не огорчают его...» [19. С. 323]; берлинский школьник, напоминающий манерой речи Мальчика в штанах, сообщает, что нажалуется на обиженного его сверстника родителям последнего, «которые скажут ему, что он их огорчил, и ему станет стыдно» [Там же. С. 331].

М.Е. Салтыков-Щедрин применяет прием заострения положительного качества, которое используется для сатирического осмеяния и в случае мотива неохрaняемого немецкого сада. Мальчик без штанов удивляется, что в Германии есть земли, где вдоль дорог растут яблоки и вишни, а «прохожие не рвут их», на что Мальчик в штанах изумляется в ответ: «кто же имеет право сорвать вещь, которая не принадлежит ему в собственность?!» [9. С. 36]. Здесь подчеркиваются законопослушность и уважение к праву собственности немцев. Сходную сцену встречаем и в тексте Ф.П. Лубяновского, который описывает, как он, испытывая жажду, срывает несколько вишен в саксонском саду без ограды и потом краснеет из-за упрека заметившей это немки [13. С. 33]. Но М.Е. Салтыков-Щедрин использует мотив неохрaняемого сада еще и для осмеяния хищнического отношения Пруссии к южным немецким землям. Мальчик в штанах подчеркивает радость немецкого императора, «что отныне баденские, баварские и другие каштаны будут съеданы его дорогой и лояльной Пруссией» [9. С. 36]. Мотив насильственного прусского вла-

дычества над прочими немецкими землями присутствует и в обвинительной речи Мальчика без штанов: «Даже свои “объединенные” немцы – и тех тошнит от вас, “объединителей”» [9. С. 41].

Соответственно, русский персонаж предьявляет в лице Мальчика в штанах претензии не кнехтам, а немцам вообще говорит: «...надоели вы нам, немцы... Взяли в полон да и держите!» [Там же. С. 36]. С этим связан мотив немецкого влияния в России, который вообще широко обсуждался в отечественной культуре. В очерках «За рубежом» роль немцев оценивается скорее негативно, как захватническая, эксплуататорская. Немец (разумеется, нужно понимать, что это мнение Мальчика в штанах, а не М.Е. Салтыкова-Щедрина) приходит в Россию «пакостничать»: как «самый бессердечный притеснитель русского рабочего человека», «самый безжалостный педагог», «самый тупой администратор», вдохновитель «произвола» и «самое неумолимое и всегда готовое орудие» [Там же. С. 41]. Здесь немецкие исполнительность и педантичность оцениваются негативно, когда они, вкуче с сервильностью, служат беззаконию. Попутно развивается мотив посредственности немецкой нации, ее вторичности: «...ваша наука все-таки второго сорта, ваше искусство – тоже, а ваши учреждения – и подавно» [Там же]. Сравните со сходной характеристикой «срединности» немцев в травелогe А.Т. Аверченко: «Немцы чистоплотны, – но англичане еще чистоплотнее. Немцы вежливы, – но итальянцы гораздо вежливее» [Там же. С. 321]. То же самое, как замечает С.В. Оболенская, фиксирует этнограф и писатель XIX в. С.М. Максимов в характеристике матроса Ершова, для которого «немец был что-то среднее, межеумок, как бы переход к другим народам...» [20. С. 14].

На образ немцев у М.Е. Салтыкова-Щедрина накладывается образ милитаристской новой империи во главе с Пруссией. Отсюда возникают мотивы немецких жадности и зависти («Только зависть и жадность у вас первого сорта»), произвола на правах силы и угрозы остальному миру («вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир»), возбуждаемых Германией ненависти и страха («вас везде ненавидят», «Все вас боятся, никто от вас ничего не ждет, кроме подвоха» [9. С. 41]). Фактически мотив экспансии Германского рейха исподволь уравнивается с мотивом саранчи: последняя «весь хлеб» «сожрала в России, а немцы

желают «слопать мир». В пространстве этой милитаристской Германии обесцениваются все достижения немецкого духа: наука оборачивается намерением «науку прекратить», свободные учреждения – в смерть «всякой мысли о свободе» [Там же]. Центром данного пространства выступает Берлин, в образе которого мотив отвращения выражен наиболее ярко: «...Берлин на славу отстроили, а никому на него глядеть не хочется» [Там же]. Итак, Мальчик без штанов весьма категоричен в своем неприятии Германии, что подчеркнуто просторечными обращениями с иронической, негативной окраской: «колбаса» [Там же. С. 34], «немчура» [Там же. С. 36]. Мотив немецкого «подвоха» также коррелируется с введением в речь персонажа поговорки, проникшей в «высокую» культуру из народной: «...про тебя говорят, будто ты обезьяну выдумал...» [Там же. С. 39].

И сам Мальчик в штанах «саморазоблачается» в своей речи относительно немецкого засилья, упоминая о необходимости жалости к голодающей России в том числе потому, «что половина ее чиновников и все без исключения аптекаря – немцы...» [Там же. С. 36]. Также исподволь вводится мотив высокомерия немцев в лице Мальчика в штанах, который объявляет всякого «необразованного человека... низшим организмом» [Там же. С. 41]. К мотиву немецкого милитаризма автор обращается и в описании идиллического сельского изобилия. Сначала М.Е. Салтыков-Щедрин разрушает стереотип о скудности, бедности немецкой земли. Наблюдаемые рассказчиком прусские «буйные хлеба» маркируются как неожиданность: «...мы все заранее зарядились мыслью, что у немца хоть шаром покати и что без нашего хлеба немец подохнет...» [9. С. 14]. Аналогично разрушается стереотип о бедности Германии относительно лесов: «...лес... совсем не так безнадежно здесь смотрит, как привыкли думать мы...» [Там же. С. 15].

Сходным образом, кстати, пользуется Н.А. Лейкин в цикле «Наши заграницей», когда его герои, русская купеческая пара, удивляются несоответствию немецкой действительности, увиденной из окна поезда, и общепринятым представлениям о Германии в России: «А как же у нас рассказывают, что немцы... с голоду к нам в Россию едут? <...> Какой тут голод, ежели в деревнях... ни одной развалившейся избы не видать» [16. С. 14]. Но М.Е. Салтыков-Щедрин идет дальше простой комичности, вводя устами одного «патриоти-

чески-задумчиво» бормочущего персонажа реплику о захвате России немцами: «Этак, брат колбаса, ты, пожалуй, и вовсе нас в полон заберешь!» [9. С. 14].

Немецкая сельская идиллия в щедринском тексте остраняется еще и тем, что в ней переворачивается ход времен. Традиционно идиллия помещается в прошлое, и даже возвращение золотого века мыслится как повторение-восстановление утраченной гармонии бытия. Однако М.Е. Щедрин деконструирует этот циклический хроно-топ за счет введения линейного времени. Вполне в духе рационалистического Просвещения Мальчик в штанах, по сути, оперирует понятием прогресса, говоря о «мрачной эпохе», «давно» прошедших «варварских временах», когда, как и в пространстве Мальчика без штанов, «...и в нашем прекрасном отечестве все жители состояли как бы под следствием и судом, когда воздух был насыщен сквернословием и когда всюду, где бы ни показался обыватель, навстречу ему несся один неумолимый окрик: куда лезешь? не твое дело!» [9. С. 35]. Это время тотальной несвободы делает пространство прошлого неидиллическим, отрицающим современную упорядоченность и уютность Германии: «буйные» хлеба и райские луга новой Германии противопоставлены «небрежно» обработанной, дающей «скудную жатву» земле Германии старой; веселые выбеленные дома – «тесным и смрадным логовищам», в которых, «как дикие», жили «немецкие мальчики», ходившие «без штанов» [Там же]. Как видим, «бесштанность» в щедринском тексте – это не столько национальная, сколько социально-историческая характеристика. Также отметим, что состояние прежней немецкой нецивилизованности мыслится как задаваемое сверху: во времена прадедушки Мальчика в штанах «...здешнее начальство ужасно скверно ругалось. И все тогдашние немцы до того от этого загрубели, что и между собой стали скверными словами ругаться» [9. С. 37]. Но если эта эпоха дикости рассматривается немецким персонажем как абсолютное прошлое («...это было уж так давно, что и старики теперь ничего подобного не запомнят» [Там же]), то в трактовке Мальчика без штанов, рассмотренной выше, цивилизованность современной Германии становится относительной, т.е. неидеальной и, соответственно, неидиллической.

Итак, описывая сельский локус Восточной Пруссии, М.Е. Салтыков-Щедрин создает в своих путевых очерках полифонически сложный образ немецкости. Диалогизм здесь не только внешний (беседы русских в вагоне, разговор Мальчика в штанах и Мальчика без штанов, риторическое обращение к читателю), но заложен в саму структуру повествования, в котором нарратор сталкивается с различными, порой прямо противоположные образы Германии. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин развенчивает стереотипы своего времени о голодающих немцах, о скудости Восточной Пруссии, о том, что Германия не проживет без русских «хлебов». Но он же прибегает к сложившемуся в русском народном сознании восприятию немецкости (немец-«колбаса», немец-черт, «хитрый немец», выдумавший обезьяну), остранив образ «высокой» цивилизованной Германии и тем самым переосмысливая его как культурное пространство. Также сталкиваются образы «старой» (патриархальной, разделенной на множество государств) и «новой» милитаристской империи. Кроме того, в повествовании демонстрируется амбивалентность рациональности и законопослушности немцев. В эту, казалось бы, традиционную для русской культуры характерологическую форму вкладывается, однако, актуальное социально-политическое содержание.

Отношение М.Е. Салтыкова-Щедрина к Германии (как части Запада) осложнено еще и тем, что писатель-сатирик, являясь «западником», отнюдь не идеализировал современные реалии этого Запада, зная его долгое время «лишь книжно, теоретически» [7. С. 8], более того, «почти до полувека своей жизни... не бывал за границей, да и не стремился туда» [Там же. С. 7], посвящая свои помыслы исключительно русской жизни. Как подчеркивает У. Вирвас, «строго организованная бисмарковская Германия» не могла служить писателю «образцом» в его поиске «новых демократических путей для России» [6. С. 472]. Это наглядно демонстрирует нарративная стратегия построения образов сельской Германии. Автор начинает с идеализации, изображая упорядоченное, «очеловеченное», уютное пространство с «аркадскими» и «райскими» коннотациями, что вообще характерно для описания немецкого пространства в русской литературе, начиная с Н.М. Карамзина. Эта идилличность выражается через ряд внешних, «визуализованных», черт, например, через описания как локусов («буйные хлеба», изобильные луга, чистые деревни), так

и связанных с данным пространством людей (одежда, речеповеденческие манеры «типичных» немцев, глоттоном гороховицы со свиным салом как символ сытой жизни). Постоянные сравнения немецкого пространства с русским недвусмысленно свидетельствуют, что первое значительно удобнее, организованнее, безопаснее второго. Тем самым вроде бы подтверждается идиллический характер образа Германии. На этих внешних чертах немецкого пространства, пусть и поданных в травестийной форме, останавливается, например, в своем юмористическом литературном травелогe Н.А. Лейкин. Но М.Е. Салтыков-Щедрин идет дальше, вскрывая внутреннюю неидилличность немецкой идиллии – в этом плане путевые записки «За рубежом» ближе к описанию немецкости у другого его современника, Ф.М. Достоевского.

Разумеется, к приему деконструкции идиллии прибегали еще на рубеже XVIII–XIX вв. Н.М. Карамзин и Ф.П. Лубяновский, но их критика носила скорее обобщенно-условный характер в связи с недостижимостью идеала в земной жизни. М.Е. Салтыков-Щедрин гораздо более социально-конкретен в своем сатирическом разоблачении немецкой «Аркадии», утверждая, что, как и в русской деревне, причина неидилличности кроется в общественном порядке, когда одни эксплуатируют других. Соответственно, образы немецкости в произведении писателя лишены однозначности: например, такое условно положительное качество, как законопослушность, может обратиться в сервильность, в слепое подчинение власти, но из этого вовсе не следует полное отрицание всякого закона, хотя анархическая интенция Мальчика без штанов может быть, на русский взгляд, «веселее», чем скучный порядок, восхваляемый Мальчиком в штанах. Более того, при всей противопоставленности русского и немецкого М.Е. Салтыков-Щедрин находит объединяющий их элемент, который имманентно связан с представлениями о гуманистическом социальном порядке, объединяющем всех людей. И порядок Мальчика в штанах, и аномия Мальчика без штанов есть своего рода переходные этапы к будущему обществу. Неслучайно в концовке произведения Мальчик без штанов, заключая контракт с Колупаевым, переходит в состояние Мальчика в штанах, следуя, по логике автора, закону социально-исторического движения, который доминирует над национальным началом в щедринском тексте.

Литература

1. Павлова И.Б. Споры о судьбе России (Салтыков-Щедрин и Достоевский) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2010. № 4. С. 104–109.
2. Макашин С.А. За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений В 20 т. М.: Худ. лит., 1972. Т. 14. С. 527–555.
3. Порошкова И.Л. Путевые очерки М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» в русской литературе путешествий // Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрин / под ред. М.Г. Булахова и И.Т. Ищенко. Минск: Изд-во БГУ, 1975. С. 29–53.
4. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000. 210 с.
5. Туманов О.Н. Деятельность русских писателей и публицистов по формированию отношения российского общества к Западной Европе (конец XIX – начало XX века). М.: Типография «ЦМИК», 2010. 236 с.
6. *Wirwas U.* Der Knabe in Hosen und der Knabe ohne Hosen. Deutsche und Russen aus der Sicht des Satirikers Michail Saltykov-Ščedrin // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von D. Herrmann. München: Wilhelm Fink Verlag, 2006. S. 459–487.
7. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М.: Худ. лит., 1989. 527 с.
8. *Lebedeva O.B., Januškevič A.S.* Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2000. 276 s.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14. 704 с.
10. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 716 с.
11. Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М. Немецкие типы русской беллетристики (конец 1820 – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.
12. *Neumann F.W.* Deutschland im russischen Schrifttum // Die Welt der Slaven. 1960. H. 2. S. 113–130.
13. Лубяновский Ф.П. Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах: В 3 ч. СПб.: Медицинская типография, 1805. Ч. 1. 230 с.
14. Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): В 4 ч. М.: Университетская типография, 1844. Ч. 1. 226 с.
15. Тирген П. Образы Аркадии в русской литературе XVIII–XIX вв. // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 69–110.
16. Лейкин Н.А. Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых. В Париж и обратно. СПб.: Типография С.Н. Худекова, 1892. 472 с.
17. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1972. Т. 4. 526 с.

18. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 406 с.
19. *Аверченко А.Т.* Собрание сочинений: В 13 т. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 2. 464 с.
20. *Максимов С.М.* В кают-компани. Из путевых воспоминаний // Русское слово. 1862. № 1. С. 1–26.

IDYLL AND ITS DECONSTRUCTION IN THE IMAGE OF GERMAN RURAL SPACE (BASED ON THE TRAVEL NOTES *Za RUBEZHOM* BY M.YE. SALTYSKOV-SHCHEDRIN)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 11, pp. 193–212. DOI: 10.17223/24099554/11/8

Sergey S. Zhdanov, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Keywords: M.Ye. Saltykov-Shchedrin, Germany, satire, image of the Other, literary space, Russian literature of the 19th century.

The paper discusses the image of a German rural space represented in the satiric travel notes “*Za rubezhom*” by M.Ye. Saltykov-Shchedrin. On the one hand, the author traces a connection between the motives marked as German in Shchedrin’s travel notes with imagological descriptions of Germany and Germans in Russian literature from the late 18th to the early 20th century. Among the works analysed are *Letters of a Russian Traveler* by N.M. Karamzin, *Journey through Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801 and 1802* by F.P. Lubyanovskiy, *A Year in Foreign Lands* by M.P. Pogodin, *The Gambler* by F.M. Dostoevsky, *Obломov* by I.A. Goncharov, humorous travelogues *Russians Abroad* by N.A. Leykin, *Expedition of the Satirikontsy Yuzhakin, Sanders, Mifasov and Krysakov to Western Europe* by A.T. Averchenko. It is established that M.Ye. Shchedrin not only uses the existing images of Germanism, but also significantly transforms them in accordance with the social-critical plan of his travel notes. On the other hand, Shchedrin’s work is studied in terms of idyllic narrative that traditionally influences the image of Germany. From this perspective, the textual representation of the country is ambivalent. On the one side, the writer constructs the image of a rural idyll using such “Arcadian” motifs as orderliness, “humanization” of the natural landscape, abundance of nature’s gifts, prosperity, safety, social peace and patriarchy of the villagers in East Prussia (politeness, filial piety, and respect for authority). The image of the German village locus is contaminated with the image of the newly found paradise. This mythopoetic traditional imagery is complemented with motifs referring to the Modern Age: rational exploitation of natural resources and inviolability of private property. These characteristics are employed to oppose the German space to the Russian, which is marked by the motifs of discomfort, chaotic nature, entropy, threat to life. The contradiction is implemented in a number of spatial images forming opposed loci: a ‘bleached clean German house with a tiled roof – a blackened Russian log house (izba) with a thatched roof’, ‘a macadamized road in a

German village – a road with a muddy puddle in a Russian village’. The opposition ‘Germanness – Russianness’ is also represented in the images of two national characters – the German boy wearing trousers and the Russian Boy wearing no trousers. However, Shchedrin deconstructs the self-created image to reveal a not-idyllic character of this formal German idyll while describing it as a space of the internal non-freedom. The idyllic motifs transform in the locus to ‘degenerate’ to the negative characteristics: order turns into boredom and regulation, sons reverence turns into servility, social harmony turns into exploitation of peasants by burghers. The traditional rural idyll camouflages the new Germany of Bismarck, a military empire that threatens its neighbours. Consequently, the image of Germany in Shchedrin’s travel notes remains ambiguous to constantly bifurcate through combining points of view of various observers – both Germans and Russians. What is more, the social-historical principle becomes decisive and dominates national elements in the narrative.

References

1. Pavlova, I.B. (2010) A controversy of the Russian destiny. (Saltykov-Shchedrin and Dostoevsky). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 4. pp. 104–109. (In Russian).
2. Makashin, S.A. (1972) Za rubezhom [Abroad]. In: Saltykov-Shchedrin, M.Ye. *Sobranie sochineniy V 20 t.* [Collected Works in 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1972. pp. 527–555.
3. Poroshkova, I.L. (1975) Putevye ocherki M.E. Saltykova-Shchedrina “Za rubezhom” v russkoy literature puteshestviy [M.Ye. Saltykov-Shchedrin’s travel notes “Abroad” in Russian travel literature]. In: Bulakhov, M.G. & Ishchenko, I.T. (eds) *Tvorchestvo M.E. Saltykova-Shchedrina* [M.Ye. Saltykov-Shchedrin’s Creativity]. Minsk: Belarus State University. pp. 29–53.
4. Obolenskaya, S.V. (2000) *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and the Germans through the eyes of Russians (the nineteenth century)]. Moscow: RAS.
5. Tumanov, O.N. (2010) *Deyatel’nost’ russkikh pisateley i publitsistov po formirovaniyu otnosheniya rossiyskogo obshchestva k Zapadnoy Evrope (konets XIX – nachalo XX veka)* [The activities of Russian writers and publicists in shaping the attitude of Russian society to Western Europe (the late 19th – early 20th century)]. Moscow: TsMIK.
6. Wirwas, U. (2006) Der Knabe in Hosen und der Knabe ohne Hosen. Deutsche und Russen aus der Sicht des Satirikers Michail Saltykov-Šchedrin. In: Herrmann, D. (ed.) *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19/20 Jahrhundert: Von den Formen Alexanders II bis zum Ersten Weltkrieg*. Munich: Wilhelm Fink Verlag. pp. 459–487.

7. Makashin, S.A. (1989) *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody. 1875–1889. Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. Last years. 1875–1889. Biography]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

8. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2000) *Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts*. Cologne; Weimar, Vienna: Böhlau Verlag.

9. Saltykov-Shchedrin, M.Ye. (1972) *Sobranie sochineniy: V 20 t.* [Collected Works: In 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

10. Karamzin, N.M. (1987) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.

11. Zhukovskaya, A.V., Mazur, N.N. & Peskov, A.M. (1998) Nemetskie tipazhi russkoy belletristiki (konets 1820-kh – nachalo 1840-kh gg.) [German types of Russian belles-lettres (late 1820s – early 1840s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 34. pp. 37–54.

12. Neumann, F.W. (1960) Deutschland im russischen Schrifttum. *Die Welt der Slaven*. 2. pp.113–130.

13. Lubyanskiy, F.P. (1805) *Puteshestvie po Saksanii, Avstrii i Italii v 1800, 1801 i 1802 godakh* [Travel across Saxony, Austria and Italy in 1800, 1801, and 1802]. St. Petersburg: Meditsinskaya tipografiya.

14. Pogodin, M.P. (1844) *God v chuzhikh krayakh (1839)* [A Year in Foreign Lands (1839)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

15. Thiergen, P. (2015) Images of Arcadia in Russian literature of the 18th-19th centuries. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2(4). pp. 69–110. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/4/4

16. Leykin, N.A. (1892) *Nashi za granitsey. Yumoristicheskoe opisanie poezdki suprugov Nikolaya Ivanovicha i Glafiry Semenovny Ivanovykh. V Parizh i obratno* [Russians abroad. A Humorous Description of the Trip of Nikolai Ivanovich and Glafira Semenovna Ivanov. To Paris and Back]. St. Petersburg: S.N. Khudekov.

17. Goncharov, I.A. (1972) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Pravda.

18. Dostoevsky, F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.

19. Averchenko, A.T. (2012) *Sobranie sochineniy: V 13 t.* [Collected Works: In 13 vols]. Vol. 2. Moscow: Dmitriy Sechin.

20. Maksimov, S.M. (1862) V kayut-kompanii. Iz putevykh vospominaniy [In the chief cabin. From travel memories]. *Russkoe slovo*. 1. pp. 1–26.